

**Александр
ШУБИН**

г. Озёрск,
Челябинская область

ВОЛЖСКАЯ СТЯРИЦА

*«...Ты себя в счастливы прочишь,
А при Грозном жить не хочешь?»*

Александр Кушнер

Книги Елены Крюковой похожи на храмы-хранители животворящей веры в Слово Господне, на храмы-воители, защитники этой веры. На храмы-просветители и храмы-предвосхитители новых времён.

Читатель, обретаясь в этих храмах, обнаруживает, что вокруг основной идеи произведения – вокруг алтаря этого виртуального святилища, как бы на стенах – расположены главы-фрески, своеобразные иконописные образы книги, парящие над событиями.

Автор вольно перемещается в полях времени, которые для него не оцифрованы координатами широт и долгот истории, а находятся в свободном дрейфе и подчиняются какому-то неизвестному мне тайному магнетизму исторических аналогий, неожиданной логике развития общей картины мира, которую возможно оценить, только сопоставляя и анализируя все элементы

глав-фресок в едином полотне, на одном дыхании осознания описываемых событий.

Средневековая Русь XV века, объединённая усилиями Ивана III, имела неплохое экономическое развитие и ресурсы, но её дальнейшему процветанию постоянно препятствовали вражеские нашествия, внешняя торговая блокада и внутренние распри боярских родов – конкурентов на царский престол, не согласных с политикой Рюриковичей на независимое, антилатинское развитие, на право иметь свою православную этнорелигию и культуру.

При царе Иване IV Русь изменилась и качественно: была отбита мощная идеологическая атака религиозного новодела – «ереси жидовствующих», которая, предпочитая Ветхий Завет Новому Завету, отвергала Святую Троицу и Божественную природу Господа нашего Иисуса Христа, поносила святую братию монастырей и церковнослужителей... При активном участии митрополита Макария и практически всего епископата Руси («...небопарными орлами, легка крыла имуща») был созван Стоглавый собор и написан

Стоглав, в своих ста главах учреждающий правила жизни христианской.

Одна из глав уделяла большое внимание исправлению книжной продукции. Другая говорила (впервые!) о важности и необходимости духовного образования и обучения, чтобы у «священников и у дьяконов, и у дьяков учинити в домах училища», школы. Как само собой разумеющееся, за этой работой последовали «Соборы примирения», на которых все, даже заклятые враги, прощали друг другу обиды и объединялись для новой жизни. Иван IV, тысячекратно обоглаженный и ненавидимый «западниками», воевал, строил и писал:

«...и смирился мой дух и умилился, и познал свои согрешения и прибегаю к святой Апостольской Церкви и припал к Божию человеколюбию и к Пречистой Богородице и ко всем святым».

При Иване Грозном не было ни одного народного восстания. Удвоились народонаселение и территория Руси. Но плеяда Рюриковичей была изведена противниками успехов русского народа. Принцип царя и всех сословий средневековой Руси: «Служить своей земле до смерти» – сменился прельщением красивой и богатой жизнью, посулами наград и благодатей западной цивилизации. Прозападная партия бояр посадила на престол династию царей, на триста лет превратившую Русь в крепостную колонию, а соборную православную веру – в свою духовную вотчину. Этот драматический поворот русской истории удалось воссоздать Елене Крюковой, автору «Раскола», через судьбы выразителей главных действующих сил переломной эпохи: царя Алексея Михайловича, патриарха Никона и протопопа Аввакума. Но и по сей день на правду каждого из них нет однозначного ответа.

Протопоп Аввакум: «...Жгут, жгут людей! То ты, Никон, содеял! А молодой Царь – он што? А он захотел славы. Прославиться на весь Мирь возжелал! Ну, разве ж непонятно! Ах, два вы жестоковыйных ката... На костры всех подряд отправляли, а сколь ищю отправите! Вам равно, крестьянин ли, боярин, черница, монахиня, торговка, сокольничий, юродивый Христа ради, по улицам да переулкам нагишом бродящий. Великая казнь святово! Слыханое ли дело! Не было таково от Сотворения Мира на всей земле. А вот у нас содеялося. Провижу время: и продолжится это книжное всеожжение, и будут жечь и жечь Священное Писание и опосля нас, грешных, и чрез множество неизречённых лет... там, во тумане неведомых веков...»

Патриарх Никон: «...Третий Рим мы и есть Третий Рим! А четвёртому не быти! И мы, это мы, да, оба-два, Царь Алексей и я, грешный Никон, содеём новое Вселенское Православное Царство! А стольным градом ево станет, ну ты угадал, гордец, конешно, Москва!

Окромя Москвы-матушки нету Вселенского Града на земле!

Токмо... ну да, да... Град Небесный Иерусалим... золотой ковчег надзвёздный... четыре Ангела на страже по стенам... на четыре стороны света глядят...

Што там бормочешь? Под нос себе шепчешь? Не слышу! А, про Запорожье да Киевские земли! Они-то под власть Царьграда. А мы уж два столетия как сами народом правим! Веру ево на путь направляем! Да, зрю превосходно, различаются и книги наши, и служба наша! Да не бойся: всё я приведу ко единому, Вселенскому обряду. И – нишкни! Што на Украине, што на Руси, што в Сибирюшке, што у моря Восточново, Охотсково! А там, помяни моё слово, Вакушка глупый, а там вся земля-земелюшка будет наша. Наша!

Русский, слышишь, весь Подлунный Мирь будет!

Разве за то не жалко жизнь отдать?!

Да, по-разному молятся, по-разному крестятся, по-разному служат! Да приведем всех скотов во едино ярмо! И будет пахать народ, яко вол, землю свежую, пушистую по весне времён орать!..»

Царь Алексей Михайлович: «...Народ мой я умерщвляю во благо же ему. Во благо, слышишь! Гибнуть должен скот под ножом, под топором хозяина! А не бляяти бунташно!

Ты зеркало моё. Я зеркало твоё. Мы оба отражаем друг друга. Худо мне, и задыхаюсь я ночью. Лекарь мне скорую смерть пророчит. Велю я лекаря тово болтливово страшною казнию казнить. Да не помру я, не помру, нет!.. Цари разве умирают!.. Цари вечно жить остаются. А где Аввакум? А нет ево. А в яме он. А может, уж на костре! В сердцевине огня! Кричит и горит! Горит и кричит! А мне донесли слуги верные: он, из костра невредим ишед, по дороге пошёл, пошёл, пошёл... да так и ушёл. Утёк! Истаял. И не видали ево. А лишь слыхали о нём; слухом земля полнится; разное баяли. Балакал народ, што из огня ево, егда уж хворост подожгли, девчонка прибудная спасла; она, дескать, крикнула: беру ево в мужья!.. ну, по обычаю, надобно отпустить казнимово. Отвязали ево, он и пошёл, шатаясь, ей

навстречь, девчонке той, кто брешет, бабе в соку, кто бубнит, старухе; о Настасье Марковне своей, видать, и не вспомнил. А кто бормотал, што, мол, он пошёл-пошёл по полям-лугам, по долам-лесам-перелескам, шёл да шёл, и видали ево везде, где только не видали, и по градам шёл, и по весям шёл, по стогнам да по крутоярам, по столбовым дорогам да по козьим тропкам, мелькнёт да пропадёт. Аки птица перелётная. Кто зрел ево во Белом Поле; снега, снега округ могучие, нескончаемые, ноги вязнут, душа морозится насквозь, насмерть. То лёд, то огонь, вся такая наша жизнь. Он идёт, а навстречь ему девчонка, али баба, али старуха; издали разве разберёшь; та аль не та, никто не прознал хорошенько. Што глядишь исподлобья? Сам я ничево не знаю. И слухи те тебе поведал из жалости. Штобы ты восчувствовал: нет, не казнил я протопоп, нет, жив он, жив. Он приходит ко мне во снах моих. Является из огня. Обожжённый весь, в волдырях, в крови. Глядит на меня и тихо так говорит: ВОССТАТЬ Я ИЗЪ ГРОБА ЯКО ЛАЗАРЬ ПОГЛЯДЕТЬ НА ЦАРЯ МОЕВО. Боже! Господи Сил! Помози мне грешному! Укрепи мя! Помилуй мя!...»

За кажущимся отсутствием сюжета в этом произведении Елены Крюковой обнаруживается это поведальное письмо протопопа Аввакума – это его изнутри, и из его родного времени, и из времени неведомого, иного, увиденное «Житие», воссозданное не столько подробно-достоверно, исторически объёмно, сколько пламенно, поэтически-дерзновенно, в котором главное – не событийный ряд, а почти неуправляемая стихия внутренних переживаний Аввакума, его чувственное отношение к происходящему, его непрерывно высекаемый, огненный «поток сознания» и попытка осознания происходящего на Руси духовного переворота, подрыва и предательства устоев истинного Православия. Протопоп до последней своей минуты обращается к неисчислимым клочкам пергамента вновь рождаемого им, его голосом «Жития», как к живому существу, своему главному свидетелю и защитнику перед судом времени:

«...кто и завещание загодя писал, а я бы хотел, штобы могила моя была безымянна, и завещания никакого не зачну строчити; то, што я пишу, есть моя жизнь, то, што я пою, есть моё бытие, а там, куда я скоро уйду, нет ни гласа возвышенново, ни гушиново пера, ни чернила густово, ни слёзынек среди ночи: помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей. Смерть, она сейчас войдёт, готов ли

я встретить ея, готов ли я сказать себе: я сей час умру, уйду навсегда, навеки, и гушиным пером моим поставлю во книжище точку: то конец. В моём конце моё начало. Капает на бумагу не чернило, кровь. Я пою о смерти, не знаю ея. Имею ли я на песню ту право? Смерть, она моё утешение, и она моё устрашение; она моя молитва, и она мой вызов небесам, моё с ними единоборство. Я вступаю со смертью в борьбу лишь для того, штобы прижати ея к моей груди, крепко обнять и сказать ей: смерть, я твой! На лице моём грядущая смерть вырезает новые морщины, это мои святые письма. Она говорит мне: я приближаюсь, я тут, я уже рядом; но я всё медлю. Я перейду черту, когда огонь ко мне вплоть подползёт, когда цвета крови станет моё чернило. Я не узрю, как сверкает грань бытия. Когда-то матушка и батюшка породили мя на свет Божий, и каждую малую минуту я медленно, медленно, по капле отдавал кровь жизни своей Мiру, в коем жил. Я медленно переставал жить, я и сей же час престану, когда совершится окончательное превращение, обращение моё в чистый Дух, посвящение моё небесное, рукоположение моё звёздное...»

* * *

Второе свидетельство о жизни Аввакума автор доверяет девочке-фантому XXI века – ребёнку, ещё не искущённому во лжи, не прельщённому мирскими соблазнами, но с визионерской душой, уже обожжённой идущей в будущем мире войной и опустошённой потерей в этой войне своей матери:

«...Мама, ты знаешь, тут всё разбомбили. Мама, это просто страшный сон мне снится. Ты меня разбуди, и проснись в крови, в поту, в мыле. Проколовшая небо и время живую спицей. Мама, я больше всего боюсь после взрыва пыли. Она забьёт легкие, нос, рот, сердце и печень. И не будут светить никакие глаза как свечи. Мама, я больше всего боюсь, чтобы тебя не убили. Мама, я тебя не смогу спасти, если что, ты знаешь. А ты ведь давно умерла, как забыть могла я. И умер отец, а я вот дрянь такая, живая. Но я противного свиста боюсь, вот она пуля шальная. Мама, я знаю, как пахнет война – ни хлеба, ни йода. Соль в виде пороха, крик в виде песни. Война, она повторяется год от года. И новая грянет ещё оглушительней, мракобесней»

Холод бесприютства, голодные обмороки и отчаянье повергают ребёнка в состояние снов-видений прошедших времён, где девочка

* * *

находит истоки современных ей бед и обретает в этих видениях учителя-духовника, способного противостоять силам разрухи. Благодаря таланту автора эта фантазмагория с каждой прочитанной строчкой приближается к реальности, овеществляется словом. Несомненна и мощная музыкальная, индивидуально-ритмическая подоплёка каждой из фресок, отдельные картины которых напрашиваются объединить их в некий оперный спектакль. А основной опорный былинный, древний стих повествования будит где-то в подсознании голоса забытых славянских обрядовых песен:

«...и она крестилась и молилась, моя зело странная девка, поклоны земные клала, без конца и начала, и я повторял молитвы ея, с начала времён, до конца бытия, и, Боже, почему же я неотступно чуял ту подспудно текущую кровь, то красное пламя внутри, ту лаву из песен и слов, это красное море рук, лиц и глаз, тел на поле боя, младенцев в родильной крови, это всё чуял, што будет со мной и с тобою, и чего уж не будет со мной и с тобою, хоть слезами облейся, всю жизнь обреви, и я только вопрошал ея, тихонечко, одною мыслью, не голосом даже, а дыханьем одним, улыбки сияньем: ответствуй, а когда тот Раскол начался, и долго ль продлится, и чем мы спасёмся, дитя?.. может быть, поканянем?..»

А она очи закрывала. Жмурилась, и вправду на робёнка похожа. Нет, отвечала, не поймать нам первой Раскольной дрожи. Когда земля дрогнула всею кожей? Когда волна из недр окояна восстала? Не знает никто. И никто не подскажет, как жизнь нам начати сначала...»

«Она шепчет мне: вижу, вижу всё, што происходит ныне. Вижу всё умершее. Зрю грядущее. Тяжко это, отченька, так бормочет. И только што не взывает: исцели! Отбери у мя это наказание! Я ей так бормочу в ответ: ну како ты можеши зреть грядущее, ведь ты ево не перешла ноженьками, на лодчонке не переплыла! А токмо себе вообразила дерзновенно! А ты представь, што тя во грядущем – нет! Нетути, и всё тут! Нет и не будет! Ты, бормочу, из древняной лодыи подземной восстанеш лишь на Страшном Суде!»

А она мне: ну и што, што нет мя там, песней прижмуся ко устам, я и там Христа Бога – не предам! Время, отче, ведь нет ево. Время видать на просвет, яко осеннее жнитво. А и ты, шепчет, и ты, не отпирайся, свидетель всево...»

Герои «Раскола» Елены Крюковой составляют органичное целое с проникновенным авторским «я», что заставляет читателя не «читать», а жить и дышать атмосферой произведения. Всеми красками переливается старорусский заповеданный певучий народный говор, позволяющий судить о духовной наполненности и бытийной оригинальности каждого из участников этой исторической драмы.

«...Пошто вдыхаем не благовония, а вонь да гарь пожарищную, кострищную? Раскрыти ли мне людям замутнённые, бельмами неведенья зятянутые очи их? Обнажити ли пред ними всю суть твоево, Никон, деяния? Али смолчати?»

Велик народ; могуч народ. Да ведь, Никон, ты сам – народ. И я, Никон, я – тоже народ. Ты веруешь, и я верую. Мы оба веруем! Да только во што, в ково ты-то веруешь! Может статься, и не во Иисуса Христа вовсе!

Ты застрельщик. Ты предводитель. Ты, покаяния, это всё придумал! Муку эту мученическую!

Народ мучится. А Царь? А Царь доволен! А вот скажи, кто Царём, яко пешкою на индусской, во клеточку, игральной доске движет? Кто тобою, Никон, да, да, тобой, хитроумным да оборотистым, сзади тебя вставши, помыкает?! Ах, не знаешь?! Я знаю! я!

Книжную справку разве ты удумал? А разве ж не греки? А за греками кто стоит? Зачем мне, Аввакуму, во имени Божиим удвоить начальну буквицу?! Буква – и ея двойник. А у всех, у каждого есть двойники! Вот в чём разгадка! Нет, скажешь? Да ведь и у Бога Господа есть двойник! Дьяволом он прозывается!

Трёхперстное знамение тебе пошто было изобретати? Пошто крестный ход округ храма повёл, негодник, не посолонь, а противусолонь?! Земные поклоны пошто запретил?! А крест на церковном куполе кой бес ты надомил не осьмиконечным исделати, а четырёхконечным?!

Гордыня тя обуяла, вот што! Гордыня. Отрицаеши? Напрасно! Што глядишь исподлобья? Да, и я грешен! И я гордыней одержим! Да гордыня моя – вера моя. Горжусь Иисусом! Горжуся Миромь подлунным, Божиим! Горжуся людскою любовью, ибо любовь наша – суть отраженье Апостольской любви, и слёзы наши – суть отраженье Богородицыных слёзынок, и молитва наша – суть зеркало Ангельского, в небесех, нашептання. Ты, иерей, Апостола разве не захотел повторити?! Пошто же ты возгордился тако, што неударжно, нагло пото-

пал, грудью вперёд, очми рьяно сверкая, противу родимой древности нашей?!

То Распятие новое, токмо растянута оно на чугунном кресте времени.

Кто снимет с новаго Креста прежнево, вечново нашево Бога?!

Ах, Никон... Да ведь тебе твой холоп Суханов приволок книги даже не царьградские – оттиснутые в дальних градах: в Лютееи, в Аахене, пражские да венеицские! А пошто ты велел раздобывать себе древнейшие письмена, в коих речь идёт о позабытых славянских богах, о ледяных землях, о Гиперборее и Мангазее? Языческие книжищи приказывал к себе в терем доставить, а на стогнах костры повелел разжигати и швырять во огонь книги родимые, благолепные, святыые. Сам я видал, как на площади широкой возожгли кострище до неба, до мрачных туч, рваной мешковины дырявей, и гарь подымалась в небеса, и вопили, и рыдали люди, обступя ночной костёр, протягивая к огню дрожащие руки! Громадный костёр, а к нему подвода подъезжает! Полная книг наших священных, великих! И сваливают угрюмые мужики книги те с подводы наземь, и обливают смолою, и поджигают. И вот уж два на площади костра. А вот и третий! Троица огненная! Троица пламенная! Книги, они, сгорая, корчатся и страдают, яко же и человеки!

А человеки тому нечестию сопротивляются, а их за то хватают, вяжут да в тот костёр – вослед за книгами разнесчастными – бросают.

...И будут забывать люди Слово Божие, како оно на свет родилось. Слово было Бог, в Евангелии Иоанновом изречено!

Огонь вечен. Велик. Подыми твой лик. Погляди вверх, наверх. Тамо, тамо плач и смех. Там жизнь, а земля – лишь отраженье ея: тамо чистой Радости музыка, – здесь, вся во слезах, ектенья...»

В огненном замесе этой человеческой и народной драмы и последующего трёхсотлетнего испытания истинной веры произошёл не раскол русского народа, не падание его в бездну звериного ожесточения, а очищение и прозрение Христова завета о любви, так, как это символически прозвучало в книге – в последней встрече протопопа Аввакума с его духовной наследницей – со своей небесной невестой Феодосией Морозовой:

«... И тут случилось чудо сновиденное, нежданное. Женщина протянула руку. И положила руку на темя протопопа – так иерей возлагает на главу исповедника епитрахиль после кровавой испове-

ди. Аввакум отозвался на прикосновение всем телом: так жизнь всей плотию отзывается на смерть. Так умирающий всем духом отзывается на жизнь, ежели ево – жизнью поманят.

И второе чудо произошло: она тихо, медленно опустилась пред ним на колена. Оба стояли, друг против друга, коленопреклоненны. Широко распахнуты глаза. Нет в любви, людие, ничего мирского. Есть только неотмирское. Небесное. Да и не надо обниматься. И целоваться тоже не надо. Душа целует душу. Сердце милует сердце. Дух ласкает родной, заблудший дух, опять вводя ево в лоно судьбы, в чертог неизречённых чудес.

Руки опущены вдоль тела. Колена доски древняной тюрьмы прожигают. Глаза ищут глаза. То ево Болярыня к нему навек пришла; и теперь даже ежели уйдёт, то всё равно: счастливы оба лишь тем, што друг перед другом навек на колена встали. Всё равно што помолиться вместе. Всё равно што есть, пить вместе – на краю великово и последнево голода. На краю великой ночи Страшново Суда...»

История, как известно, торовата на подарки, и сквозь искусно создаваемые «культурные слои» всплывают, словно берестяные грамоты, и тайные чаяния патриарха Никона – его мечты о возвышении роли священства и вселенского Православия над светской (царской) властью, где он требовал и добился титула «Великий Государь» и даже в память вхождения Христа в Иерусалим во время торжественной процессии «ехал на ослиати» (роль ослиати обычно исполнял конь в белой попоне), ведомым за уздечку впереди идущим царём... Он авторитарно, игнорируя традиционную церковную соборность, в приказном порядке утвердил наложение крестного знамения троеперстием, обратил крестный ход противусолонь, ввёл многоголосное партесное, как на Западе, пение; он же, с амбициозным прицелом, мечтал ускоренно покончить «с провинциализмом» русской церкви, чтобы объединиться с духовным центром всего христианского мира, соединить своею властью Запад и Русь... И, прочувя патриархии амбиции, Тишайший царь Алексей Михайлович убрал его, как отработанное декоративное излишество.

Царская власть «помазанника Божия» Алексея Михайловича, подчинив себе власть духовную и пытающаяся оправдать «цезарепапизм» богословской греко-латинской учёностью, потерпела фиаско, развитие России резко накренилось в сторону Запада, а вскоре было отдано и под власть

неметчины. Церковные школы, организованные по правилам латинизированной Киевской духовной коллегии, по словам Екатерины II, следуя правилам римского католицизма, «заражали выпускников «ненасытным честолюбием». Расколовшаяся Церковь потеряла Единоверие, а онемеченная царская власть – благочестие.

Протопоп Аввакум – исповедник истинной веры Христовой – претерпел много страданий в борьбе за чистоту Православия, но не предал молитвенный крест наших великих предков: Дмитрия Донского, св. Александра Невского, преп. Сергия Радонежского и многое множество достойных памяти народной русских людей, живших до Раскола. Аввакум верил, что Страшный Суд вершится уже здесь – на Земле – Родом-народом: благодарная народная память – это и есть Райская Поляна с заслуженным отдыхом; любое злодеяние против Рода сулит вечное забвение или проклятие наследникам, закрывающее им дорогу в будущее.

Елена Крюкова открыла перед нами книгу бытия, книгу страстей этого великого подвижника, истинного народного лидера. Она своим творческим Духом оживила его автобиографический манускрипт, родила, в новом времени, его новое «Житие», создав нерукотворный огненный памятник самопожертвования, памятник воли и христианского человеколюбия как самому Аввакуму, так и миллионам его последователей, претерпевшим четырёхсотлетние гонения и порицания властей за их непоколебимую привержен-

ность к первозданной христианской культуре, утверждающей право каждого человека на творческое начало и любовь.

Я бы сравнил явление Раскола в русской истории с древней волжской старицей – первородным Волги, которая по каким-то причинам когда-то ушла на более широкое, раздольное место, оставив первородное русло – с его глубиной и чистотой – в покое. Но вот приходят времена засухи, когда основное русло мелеет – и тогда спасает верная волжская царица-старица, соединяя людские миры.

□

Александр ШУБИН

родился в 1952 году.

Автор трёх книг стихотворений: «На юру», «Чаруса», «Живица».

Публиковался: «Южный Урал», «День и Ночь», «Литературные Окна», «Симбирск Литературный», в газете «День Литературы», в газете РАН.

Главный редактор антологии «Стихи поэтов закрытых городов», Росатом, 2005.

Лауреат Международного фестиваля телевизионных программ и телевизионных фильмов

«Золотой бубен» (г.Ханты-Мансийск), за сценарий и режиссерскую работу к фильму

«Семь слов о А.С.Пушкине».

В журнале «Север» публикуется впервые.

